
Евгений ДОЛМАТОВИЧ

ФОНТАН

Рассказ

Оксане

*Все закончилось совсем не так,
как мы мечтали.*

— Привет.

Вот так и заканчивается эта история. Да, именно так. С этого самого слова, часто подразумевающего под собой нечто совершенно иное. Начало, которого, может, и не было вовсе. Только в кино если: вступительные и финальные титры под соответствующее музыкальное сопровождение, а где-то между — придуманные судьбы, красноречивые взгляды, актерская игра... А у тебя только и есть что теплое рукопожатие, коробка попкорна, жаркий шепот в самое ухо да сдавленное хихиканье с задних рядов. Чуть реже — объятие, поцелуй... И чувствуешь, как гулко бьется в груди сердце. Или вообще ничего не чувствуешь — объятия и поцелуи ведь тоже бывают разными, лишенными чего-либо, такими же обыденными, как и слово:

— Привет.

Я произношу это шепотом, и оттого мне почему-то не по себе. Тряхнув головой, выискиваю взглядом Оксану. Невольно улыбаюсь тому, как под ногами хрустит снег — приятная нынче выдалась зима. Не холодная, зато снежная — прямо распушилась вся! — пронизанная тайным ожиданием чудес, предчувствием настоящей сказки. Наверняка та самая зима, о которой в свое время грезил Диккенс. Малую из рек льдом сковало, а ночами неистовствует вьюга — она хорохорится, урчит и воет, заматавая улицы и дома, фонари и тропы. Среди иссиня-черных облаков изредка проглядывает луна — бледная, молчаливая, таинственная. А по пустынным дорогам гуляет ветер. И кажется, будто все окутано туманом. Кажется, будто мир уснул, погрузившись в воздушно-снежную меланхолию, — остались только странные звуки в искрящейся темноте да вспышки света где-то в иных измерениях...

Снег оседает на волосах, на ресницах... Стягиваю перчатку и, очарованный, наблюдаю, как тают упавшие на ладонь снежинки. А прохожие угрюмо косятся, качают головами. По проезжей части безучастно несутся покрытые коркой заледенелой грязи автомобили.

Ловлю на себе равнодушный Оксанин взгляд.

— А помнишь, как раньше мы любили вот так просто стоять и смотреть на всю эту суету? Чувствовали, как мороз пробирает. Следили за клубами пара при дыхании. То

Евгений Игоревич Долматович родился в 1986 году в Ярославле. В 2008 году окончил Ярославскую военную финансово-экономическую академию. Публиковался в журналах «Номо Legens», «Урал», «Север», «Уральский следопыт», «Парус», «Опустошитель», «Крещатик», «Новый берег». Также есть публикации в сборниках «Очертания», «Аэлита/010», «Своими именами назовутся», «Город счастья». Член Союза российских писателей. Живет и работает в Ярославле.

и дело вздрагивали... А вместе с тем и радовались, ведь дома нас ждал теплый кошачий уют, горячий чай с запахом малины, наше уединение...

- Да, помню.
- Хорошо все ж тогда было.
- Мне хорошо.
- И мне тоже...

Теперь вот она замерла на остановке, всем своим видом изображает нетерпение. Взгляд серьезен, даже хмур, губы надула — совсем как маленькая девочка. И куда только делись те красочные иллюзии, которыми я наделял моменты наших встреч? Интересно, а что она думает по этому поводу?..

Или уже не интересно?

- Ну, здравствуй, — говорю я.
- Привет.

Никаких тебе эмоций, вообще ничего — просто двое старых знакомых. И даже не друзья уже, да и... какое там! Ремарк был прав, говоря, что конец есть конец, — пятнать дружбой память о чем-то, что вас некогда связывало, занятие явно бессмысленное.

Стоим у обочины дороги и молча глядим друг на друга. Никуда не двигаемся. Отрешенно прислушиваемся к тому, как устало вздыхает город. Кажется, еще мгновение — и он зайдется в припадке сухого кашля. Жалкий старикашка!

А Оксана ничуть не изменилась — сколько же лет прошло? Лет? Как все-таки быстро летит время! Вроде совсем недавно смеялись, брызгаясь в море, и вот уже равнодушно смотрим друг на дружку в самом эпицентре зимы. А между морем и этим мгновением настоящего — тысячи совершенных глупостей и миллионы произнесенных впустую слов.

- Значит, супермаркет?
- Ага, мне продуктов закупить надо.

Усмехаюсь:

- В супермаркете?
- Да, а что?
- Ох уж эта твоя любовь ко всяким магазинам-музеям.
- Ну, люблю, и что с того?
- Ничего... Просто никогда не понимал этого.

Она лишь хмыкает в ответ, при этом так интересно морща нос... А ведь когда-то мне это нравилось, казалось таким милым — ее маленькая отличительная черта, то, что делало ее по-своему настоящей, даже уникальной. В первую очередь — в моих глазах. Все эти незатейливые особенности ее личности, привычки, повадки... Теперь это лишь раздражает, хотя я и пытаюсь не выказывать своих чувств. Оно всегда так случается: незаметные для постороннего взгляда мелочи, на которые умиляешься, будучи влюбленным, со временем превращаются в огромные недостатки.

И почему все должно быть именно так?

— Ты идешь?

Лето. Непривычно жарко. Тщетно пытаюсь укрыться от палящего солнца где-нибудь в тени. Гляжу на этот гигантский аквапарк — тут тебе и визжащие от восторга дети, и одуревшие от жары взрослые с браслетами-пропусками на руках: плещутся, галдят. Разомлевшие на солнце парочки томно воркуют, потягивая коктейли из запотевших бокалов. А какие-то улыбчивые негры предлагают сфотографироваться — с ними либо же с обезьянкой, что сидит у одного из них на плече. Из магазинчиков веет кондиционированной прохладой и завышенными ценами. А вдали за домами волнующая морская синева плавно переходит в безоблачную голубизну небес.

— Может, ну его, этот аквапарк? На море куда интересней.

— Мы там и так целый день торчим. Не-е, давай аквапарк. Горки — это ж здорово! Хочу-хочу!

— Как скажешь.

Плечи нестерпимо жжет. Судя по всему, с ультрафиолетовыми ваннами я переборщил. Ковыряюсь в карманах в поисках кошелька. Преимущество южной духоты в том, что курить совершенно не хочется. Того и гляди, вовсе брошу...

Стук колес поезда навевает дрему, а какая-то не в меру общительная бабуля всеми силами пытается вытащить меня на разговор. Иисус и его деяния... Испорченность современной молодежи... Распроклятые террористы опять бомбу взорвали... Политика, политика, политика...

И откуда только здесь взялся сборник Роберта Бернса? Его забавные эпиграфы в переводе Маршака...

— Яички хорошие, домашние, от наших курочек. Попробуйте?

— Чего?

— Пойдем, говорю. — Оксана удивленно смотрит на меня, пытается заглянуть в глаза, что-то прочесть там.

Вечерет, температура на улице стремительно падает — чувствую это. Метель же разыгралась не на шутку, и идти становится трудно. Ветер швыряет в глаза пригоршни снега, так и норовит сорвать шапку.

— Давай только в лавочку букиниста заглянем, хорошо?

— А что там?

— Ну-у... очень надеюсь отыскать там господина Гарсиа Маркеса. На худой конец и его друг кубинец Элисео Диего сгодится.

— Понятия не имею, о ком ты.

— Я тоже...

Пытаюсь закурить, но в зажигалке практически уже кончился газ, и тот робкий огонек, что никак не желал зародиться, но все же возник, мигом позже уносится порывом ветра. Курить я так и не бросил, хотя жара в тот год меня и вправду доконала.

— Твой супермаркет ведь не закроется? — спрашиваю, тайком изучая ее лицо. Каким наслаждением было когда-то целовать ее губы... Прикасаться к ее коже, волосам... Чувствовать ее дыхание...

Странно, но эти воспоминания ничего больше не будят в моей душе.

— Вообще-то — это торговый центр.

— Э-эм, что?

— Ты назвал его супермаркетом, а на самом деле — это торговый центр.

— А-а... Прости, я не силен в классификации магазинов, — пожимаю плечами и улыбаюсь самой глупой, на какую только способен, улыбкой.

Она никак не реагирует. А ведь раньше я мог ее рассмешить... Наверное, все дело в том, что в те времена она и сама хотела смеяться...

В ее глазах вижу отражение туманных озер. От ее волос веет бескрайними полями, нехоженными дорогами, ароматом многовекового леса...

Веяло.

Ныне одна паутина...

— Дедушка, у тебя все хорошо?

Внучка с тревогой глядит на меня, а я с несказанным удивлением рассматриваю ее. Собирательный образ: розовые щечки, большие темные глаза, пушистая челка, два

ярко-красных бантика. Надо же, я уже бабушка! И у меня есть внучка — точно такая, какой я мечтал видеть дочь, которой у меня никогда не было...

— Ты о чем? — Оксана удивленно моргает, а в кармане ее пуховика уже надрывается мобильник:

Сегодня в белом танце кружи-и-мся-я-я-а-а,
Наверное, мы с тобой подружи-и-мся-я-я-а-а!

Все как всегда, ничего не меняется, только, пожалуй, отношение к людям. А вкусы те же. И да — раньше мне тоже нравилось это. Было в подобном обожании отечественной попсы конца девяностых что-то экзотическое, непостижимое, а то и запредельное для моего понимания. Теперь это вызывает лишь отвращение, скрытое презрение, даже будит чувство некоего превосходства...

— Извини, надо ответить.

— Валяй, — киваю я и отворачиваюсь. С силой сжимаю бесполезную зажигалку.

До ушей долетают обрывки фраз: «А он что? Я? Не-е... Ничего не говорил. И как?..» Вот она — родная душа, в одночасье сделавшаяся чужой. Или же процесс ее омертвления по отношению ко мне занял-таки продолжительный период времени? А что насчет меня самого? Как быстро я охладел к Оксане? Пелена иллюзий спала, надежды истлели, и не осталось уже ничего, что можно было бы любить.

Ныне у нас есть лишь этот зимний вечер, пустынная остановка да сияющий разноцветными огнями супермаркет — где-то там, за стеной снега и тьмы, за большой рекой, неспешно несущей свои воды из ниоткуда в никуда; где-то вдали, примерно в пятнадцать минутах езды от настоящего...

Нет, ну естественно, продукты в центре купить ведь никак нельзя! Всенепременно нужно тащиться к черту на кулички! Там, мол, дешевле и качественнее. Угу, а пока ты эти баулы до дома допрешь, сколько сил и времени затратишь — это, конечно же, не в счет...

Вздыхаю.

И с каких пор я стал таким ворчливым?

— Ну что, где там твой букинист?

— Где-то по ту сторону сна, в стране несбывшихся детских мечтаний, — шепчу я в темноту, наслаждаясь звуками ее голоса в телефоне.

— Жень, ты понимаешь... — Чувствую, как она улыбается — там, далеко-далеко, у себя дома. В своем таинственном мире, пока еще недоступном для меня. — Если честно, ты немного странный... Но мне это нравится. Я могу общаться с тобой.

— Кошки мурлычат и любят сметану, — зачем-то говорю я.

Лишенное какого-либо смысла воркование парочки влюбленных, еще пока не осознавших, что они влюблены. Но мне хорошо. В принципе если отбросить весь скепсис, то можно сказать, что в данный момент я действительно счастлив...

— Поздравляю. — Врач жмет мне руку. — У вас мальчик.

Сглатываю ком в горле. И теперь я счастлив? Наверное, больше да, чем нет...

Мы греемся в теплом помещении магазинчика букиниста, за прилавком которого молодая девушка о чем-то перешептывается с дамой бальзаковского возраста.

— Спроси, чтоб не искать понапрасну, — советует мне Оксана.

«Ну уж нет! — хочется закричать мне. — Ведь вся прелесть поиска нужной книги как раз и состоит в том, чтобы углубиться в эти ряды, проникнуться их духом! Чувствуешь ли ты паутины идей, окутывающих эту лавку древностей? Слышишь ли вздохи невидимых глазу привидений, что склонились над давно позабытыми фолиантами? Ощущаешь ли знания, что таят в себе эти тома? мысли и судьбы, запечатленные в них? самое прошлое? Увы, конечно же нет, нет... Все предано забвению... И мне прекрасно известно, что ты никогда не поймешь того, что я пытаюсь до тебя донести. И это тоже раздражает меня. Почему? Почему, черт возьми, ты не хочешь понимать этого?!»

— Неинтересно, — хмыкает Оксана, а я слушаю вздохи моря за окном, разглядываю ночное южное небо, усыпанное миллиардами звезд...

И ведь впереди еще столько солнечных дней, пронизанных этим воистину детским восторгом перед грядущими путешествиями; дней, полных наивной веры в прекрасное и глупых надежд на светлое будущее. А еще эти дни несут в себе лишнюю всякую причины убежденность, будто бы все обязательно будет хорошо — все будет как в сказке

И жили они долго и счастливо!

— Ага, мельком гляну, что есть, а после спрошу, идет? Дай мне минутку.

Оксана нехотя кивает. Видно, что все эти книги явно ее угнетают. Имена на корешках и откровения, собранные и погребенные на пожелтевших крошащихся страницах; мысли вне времени; люди, которых давно уже нет в живых... Покойники, покойники, покойники... Натуральное кладбище!

Я искоса поглядываю на Оксану, а потом, заметив на одной из полок томик Байрона, беру его и листаю.

— Нашел?

— Слушай, — поворачиваюсь к ней и начинаю читать:

Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь,
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле,
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле.

— Красиво, — хмыкает она.

С тоской возвращаю книгу на место. Указательным пальцем осторожно провожу по переплету. Труха и пыль. И мне делается как-то противно, даже омерзительно, а потом... все и вовсе сменяется сплошной апатией.

— Вам подсказать что-нибудь? — обращается ко мне одна из продавщиц, видимо заинтригованная моим знанием Байрона.

— У вас есть что-нибудь из Гарсиа Маркеса, Борхеса или Диэго?

— К сожалению, нет.

Поджимаю губы. Оксана равнодушно глядит на меня, затем на женщин за прилавком и уже после на все эти никому не нужные книги.

Ветер швыряет в окно пригоршни снега.

— Ладно, пойдём...

— Куда? — спрашиваю я брата, и тот пожимает плечами.

— Да просто покатаемся.

Во дворе припаркован шикарный чёрный «мерседес» — понятия не имею, что за модель, не силен в этом. А летняя ночь теплая-теплая, но при этом совсем недрушная. Деревья таинственно шелестят листвой над нашими головами, у подъезда навострила уши кошка, где-то в парке за домом хохочут охмелевшие от пива и молодости подростки, а из окна второго этажа доносится голос футбольного комментатора. На часах половина первого — восхитительное время!

— И куда поедём?

— На озеро.

Брат садится за руль. На соседнем сиденье какая-то невзрачного вида девочка с деловым видом красит ногти на ногах. Она оборачивается и с интересом разглядывает меня.

— Женя.

— Кларисса. — Она мило улыбается.

«Мерседес» трогается с места. В магнитоле ликует Гришковец, сообщая о том, что настроение у него улучшилось.

— За городом собирается гроза, — говорит брат, выруливая со двора. — Хочешь посмотреть?

— Хочу.

Он знает, насколько я неравнодушен к летним грозам. Тем не менее прямо над нами небо усеяно звездами — ни единого облачка! Безразличная ко всему, на нас взирает луна.

И глядя на всю эту красоту, я невольно шепчу:

Не бродить уж нам ночами,
Хоть душа любви полна,
И по-прежнему лучами
Серебрят простор луна.

Слышу вопрос брата:

— Что, так и не помирились?

Смотрю на него, затем на его подружку и понимаю, что ответ им не требуется. Что было, то ушло, и лишь меланхоличное лунное сияние освещает наступившую полночь наших жизней. И как хорошо, что мобильник я оставил дома, ведь в этот воистину волшебный час мне не нужны звонки...

— Все? Закончил?

Оксана поглядывает на меня. На лице ее читается нетерпение.

— Да, идем.

Бросаю последний взгляд на полки с книгами, и мы выходим в зимний холод. Сумерки вползают в город, заполняя собой каждую улочку, каждый двор, каждый взгляд и пугающее множество душ... А в воздухе все так же кружат снежинки. Они блестят, отражая свет многочисленных рекламных щитов и витрин, вспышки фар пронесшихся мимо автомобилей.

— Маршрутку долго ждать? — без особого интереса спрашиваю я.

У меня нет никакого желания ехать в супермаркет, да и не люблю я подобные зверинцы. Но... мне почему-то хочется побыть рядом с Оксаной, послушать ее голос, наблюдать за ее поведением. Зачем? Не знаю. Может, все же удастся воскресить то

волшебное нечто, что некогда нас связало? Не для нее воскресить. Для себя. Ей волшебство не нужно, она не верит в него. А мне вот оно жизненно необходимо...

Впрочем, кого я обманываю? На самом деле мне хочется лишь одного: убедиться, что никакой ошибки нет и мы правда стали чужими друг другу.

— Не переживай, маршрутка быстро подъедет, — говорит Оксана. — Как понимаю, ты все так же не любишь общественный транспорт?

— Стараюсь не изменять своим привычкам, — хмыкаю я и лезу в карман за сигаретами.

Вспоминаю, что от зажигалки никакого толку, и оставляю пачку в покое. Приставать к прохожим и просить у них огонька я не любитель...

— Горько! — горланят подвыпившие гости.

Я смотрю в глаза женщины, которая стала моей женой, улыбаюсь ей, а после целую. Мне нравится вкус ее губ, нравится, как она слегка выгибает шею. Люблю ли я ее? А что это такое, в конце концов?

Увы, мне не известен ответ на этот вопрос.

— Раз!

Да я и не хочу его знать.

— Два!

Мне хорошо с ней, спокойно, уютно. Она не придирчива и старается проявлять внимание по отношению к тому, что мне интересно. Я тоже так делаю. Толика семейного лицемерия никому еще не вредила.

— Три-и-и!

От нее веет дорогим парфюмом, а ее руки деликатно, с ноткой жеманности касаются моих плеч. Но вот ее платье мне не особо нравится. Конечно же, сообщать ей об этом я не стану, — как-никак, это в большей мере ее праздник. Хотя считается, что это наш великий день. В болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас...

И жили они долго и счастливо!

Мы трясемся в маршрутке, и сидящий напротив мужик пристально нас разглядывает. Взгляд у него вполне осознанный, да и сам он мало похож на алкоголика или находящегося под кайфом наркомана. Тем не менее есть в этом пристальном взгляде что-то нездоровое. Как ни крути, а этот мужик начинает меня раздражать...

А за окном мелькает запорошенный снегом и погруженный в искрящуюся тьму город. Постепенно маршрутка вырывается на мост, и нам открывается вид на реку, вода в которой чернее ночи. Кое-где дрейфуют бледные льдины; вдали призрачным силуэтом вырисовывается одинокая баржа.

— Ну, расскажи чего-нибудь, — шепчет мне на ухо Оксана, и от ее горячего дыхания что-то шелкает внутри меня.

Нет, к сексуальному возбуждению это не имеет никакого отношения. Скорее, этакий болезненный укол. Ведь когда-то она шептала так совершенно при других обстоятельствах. А теперь даже и вспоминать не хочется.

— Что тебе рассказать?

— Про Катю, там, или про Машу.

— Это еще кто такие?

— Ну, не знаю, как там твоих девочек зовут. Юля, Аня, Наташа какая-нибудь...

Смотрю на нее — ехидно улыбается. В глазах же пляшут искры — что-то неопределенное, своеобразный коктейль из азарта, злорадства и некой затаенной обиды. Той

самой обиды, которая, по нашему обоюдному заверению, давным-давно уже якобы улетучилось.

— Нет никого. — Отвернувшись, вновь пересекаюсь взглядом с этим странным мужиком. И чего ему только надо?

— Да-да! — кивает Оксана. — Так я тебе, товарищ Нечаев, и поверила. Ты сказки иди глухой бабушке рассказывай.

— Ошибаешься, я не сказочник, я мечтатель. А это, увы и ах, самые бесполезные из людей.

— Именно! — Она шлепает меня ладошкой по коленке. — Наконец-то и ты это понял.

— Не будь злоюкой, заядлая материалистка. Прояви милосердие к раненному на поле боя.

— И не подумаю...

Я спускаюсь к завтраку; спина невыносимо ноет, да и суставы будто несмазанные: скрипят, шелкают, с трудом проворачиваются. Треклятый артрит! А на улице ослепительно светит солнце — стало быть, прогулка на сегодня мне заказана. Никогда не любил солнце, больше предпочитаю дожди и туманы, летние грозы и осеннюю меланхолию... Все что угодно, только не злополучное солнце! Видать, не зря всю ночь напролет так гудело в затылке — даже уснуть не смог. Листал Байрона, Шелли, Китса, а чуть позже и свои старые дневниковые записи. Воспоминания причудливым калейдоскопом проносились перед глазами. Я улыбался и плакал. Я подолгу рассматривал фотографии — те, о которых никто не знает.

— С добрым утром, отец.

— Где ж оно доброе?

Усаживаюсь за стол, тыкаю вилкой в яичницу и с тоской гляжу на кофе в кружке сына. Тот читает газету — гладковыбритый, в галстук, аккуратно причесанный, пахнет от него каким-то модным одеколоном.

— Вам хорошо спалось? — не отрываясь от газеты, интересуется он.

Как же меня раздражает эта его привычка изображать высокую культуру! Не понимаю я всего этого. Много раз просил его быть проще, естественнее, роднее, что ли... Но нет, он все в приличия играет — сухое уважение пытается мне привить. А я хочу дружбы.

— Нет.

— Опять давление?

— Ага.

Вежливость? Хм... это когда обращаются на «вы», при этом не отрываясь от газеты и толком не замечая твоего присутствия. Одни и те же вопросы на протяжении уже нескольких лет. Набившие оскомину разговоры, цель которых — продемонстрировать безупречное воспитание. Слова, слова, слова — труха, бесполезная для обеих сторон...

Внучка смотрит на меня с долей страха и уважения — я для нее своеобразный реликт. Седая древность, чудом дожившая до наших дней. Не удивлюсь, если девочка свято верит, будто в молодости я охотился на динозавров или вживую видел Иисуса...

Странный мужик выходит на одной из остановок. Перед этим он наклоняется ко мне и скрипящим, однако не лишенным ноток дружелюбия голосом произносит:

— Это любовь, друг, береги ее. Потерять всегда легче, чем найти.

Я удивлен, улыбаюсь и зачем-то благодарю его. Что-то говорю — наверняка что-то глупое, а то и бессмысленное. И секундой позже он исчезает. В голове же снова и снова звучат его слова.

Водитель вертит регулятор громкости на магнитоле, становится слышна музыка. Какой-то парнишка поет под гитару:

Выход есть, но я не знаю, где мне выйти,
Тума-а-н, — лишь бы в нем не остался я.
Люди, вы не выходите? Пропустите.
Может быть, та-а-м будет моя станция...

Стягиваю перчатки и протираю глаза.

— Что он тебе сказал? — интересуется Оксана.

— Да так... — Я долго разглядываю ее, затем отворачиваюсь — за стеклами по-прежнему мелькает город. А ведь на доли секунды мне показалось, что там горы, там окутанные дымкой леса, а сразу за ними дремлющий океан... — Посоветовал беречь нашу любовь, потому что потерять ее легко, а найти очень трудно.

— Хм, еще один мечтатель.

Вновь начинает бренчать телефон. Не иначе как свежая порция экстренно важных новостей подоспела, и срочно необходимо их обсудить.

А парнишка так и поет под гитару:

...и нет конца,
Дорога дальше есть, но нет посадки.
Значит, я выйду здесь. Пройдусь пешко-о-м.
Да, мне недалеко,
Главное, что не на месте под крышей из облаков.

— А тут красиво.

Восхищенный, я гляжу на озеро. Брат сидит рядом, курит.

— Шампанское будешь? Там в багажнике целый ящик.

— Давай.

Кларисса приносит две бутылки. Тишину ночи нарушают хлопки пробок. В чаще леса что-то угрожающе ухает, а где-то на другом берегу пронзительным гомоном заливаются лягушки. Под нами холодный песок. Над нами одинокая луна и надоедливые комары. А с запада — далеко-далеко — движется темное гигантское нечто. Туча словно бы великан, сошедший с одноименной картины Гойи. Она рычит, эта туча, и я вижу ослепительные вспышки молний в ее глазах.

— А вот и обещанная гроза, — говорит Кларисса. — Здесь, кстати, особое место. По какой-то причине грозы обходят это озеро стороной. Может, реки их притягивают?

Я глотаю потеплевшее шампанское. Мне хорошо, спокойно. А в груди зреет странное ощущение, этакое сакральное знание, будто я наконец отыскал то, что, казалось бы, уже давно утратил — веру ребенка, каким когда-то был, частичку своей души. Во мне бурлит мальчишеский восторг перед мощью природы. Опасность манит к себе, требуя подвигов, риска, мистики... А позже будут и влюбленные красавицы, полцарства и вечная слава отважного рыцаря...

Эх, глупый никчемный мечтатель!

— Что у вас стряслось-то? — спрашивает брат.

— Надоели мы друг другу, — наигранно зеваю я, глядя на озеро. — Вот так просто все закончилось. Было и прошло...

Все супермаркеты — да и торговые центры тоже — как один похожи друг на друга. Здесь тебе толпы людей, расставленные там-сям тележки, мусор, кичливая реклама,

запах выпечки и жженой резины, машины, пытающиеся разъехаться на забитой до отказа стоянке, и прочее в том же духе...

И чем ближе я подхожу к этому рассаднику жадности, тем больше не по себе мне становится. Не по себе от этой чересчур оптимистической и, как следствие, низведенной до идиотизма музыки; не по себе от нескончаемой толкотни, от пестрых вывесок и фотографий улыбающихся симпатяг продавщиц, высотой, как минимум, четыре метра каждая (вот такие, мол, у нас работнички — чтобы всем видно было и из любого конца города!). Естественно, за кассами сидят какие-то невзрачного вида тетки — угрюмые, скрюченные под ударами судьбы, невероятно уставшие от несмолкаемого гула, как и от бесконечного мелькания лиц и товаров, товаров и лиц, а еще захватанных купюр, гуляющих из рук в руки.

— А может, ну его, этот дом порока? — спрашиваю я. — Давай возьмем картошечки, котлеток каких-нибудь или сосисок, соуса — и ко мне? Ну, что скажешь? Пожарим все это быстренько да завалимся киношку смотреть. У меня как раз отличный фильм имеется. Ну так как?

— Нет, нет и еще раз нет, — Оксана решительно вертит головой. — И не подумаю. Мне нужно основательно закупиться, а потом обратно домой. Буду готовить. Назавтра дел много.

Все, что мне остается, так это просто кивнуть в ответ. Впрочем, ничего другого я и не ждал. Да и... Черт! А может, оно и к лучшему? Кто знает, что случилось бы, останься она у меня на ночь? Ответственность. К чему пытаться реанимировать труп, который давно уже истлел? Все умерло. Покойники, покойники, покойники...

— А какие у нас будут дети?

Мы лежим, прижавшись друг к другу, и мечтаем, представляя наше совместное будущее — ту обязательно долгую и непременно счастливую жизнь, что нам якобы уготована.

— Дочка, — говорю я. — Хочу дочурку. Маленькую такую, черноволосую, улыбочивую, с ямочками на щеках. И глаза у нее будут твои. Чайного цвета, с двумя ложками сахара.

В комнате темно, но мне нравится эта темнота — она не страшная, не таит в себе опасности, но надежно укутывает, дарит желанное уединение. А еще мне нравится, что природа за окном постепенно пробуждается. Птицы теперь щебечут иначе, округу наполняет требовательное кошачье завывание. Воздух несет тепло далеких стран. Скоро появятся одуванчики, и нужно не забыть нарвать Оксане первый весенний букет...

— Именно дочку?

— Да, хочу дочь. — Я глажу Оксану по волосам, касаюсь плеч. — Не хочу сына. Думаю, из меня выйдет дрянной отец для мальчишки.

— Почему?

— Ну-у, потому что мой отец был дрянным, вот и я такой же... скорее всего...

— Это еще ничего не значит.

— Все равно хочу дочурку. Родишь мне дочурку, а? Черноволосую, озорную, с чайного цвета глазами.

— Глупышка! — Она смеется, но смех этот не злой. — А если она светловолосая будет, выгонишь?

— Конечно! — Я изображаю звериный рык. — Тут же прогоню! Я ж тиран о-го-го какой!

— Поцелуй меня...

Дверь кабинета открывается, и врач подходит ко мне. Сердце бешено колотится в груди, я очень устал и весь изнервничался в томительном ожидании.

— Ну?

— У вас мальчик. Роды были тяжелыми, но все обошлось. Еще раз примите мои поздравления.

Он жмет мне руку.

У меня сын. И в скором времени мне позволят увидеть его. Я поцелую жену и прикоснусь... возьму на руки его, моего отпрыска... Я подниму его высоко над землей... Жизнь, порожденная от моей жизни. Великий символ бесконечности — этакий уроборос человеческого бытия — запечатленный в моем ребенке...

— Господи, да ведь я стал отцом!

— Отец, доброй вам ночи, — говорит сын.

Раздраженный, я отмахиваюсь и, нарочито громко шаркая, бреду к себе в спальню. Сажусь на кровать, думаю, думаю, думаю... Через неплотно прикрытое окно в комнату просачивается монотонное гудение города. А в гостиной бормочет телевизор — это сын изучает последние сводки новостей.

— Дедушка? — внучка заглядывает в комнату. — Спокойной тебе ночи, дедушка.

Смотрю на нее — на это ангельское создание, олицетворение той дочери, о какой я когда-то мечтал. Вот она и появилась в моей жизни. Появилась с опозданием на двадцать с лишним лет...

— Хочешь, расскажу сказку?

Ее глаза загораются, она быстро кивает — мало ли что, вдруг передумаю. Из всей моей семьи ей одной нравятся мои сказки и различные истории. Она не считает их глупыми мечтаниями и жадно впитывает каждое мое слово. Она слушает и представляет. В ней одной не угасает моя надежда, так как только у нее сохранилось воображение. Сын превратился в очередного представителя той нации, кого за глаза я зову «клерками». Мне обидно, что с ним такое случилось, и виню в этом я исключительно себя — плохой отец, никудышный! Жену себе он выбрал точно такую же. Получилась не семья, а этакое товарищество, «комьюнити», как нынче принято говорить, а то и натуральная организация, все действия которой строго регламентированы брачным контрактом.

А ребенок вот оказался другим. И я надеюсь, что они не сумеют испортить ее. Надеюсь, что позволят сохранить ей толику божественного дара, ныне утраченного человечеством.

— Иди сюда, кроха, садись рядышком. — Киваю на свободный край кровати. — О чем тебе сегодня поведать, а? Может, о проделках Снежной королевы? Или о приключениях Конька-горбунка? А могу и про злую ведьму рассказать, которая жила в карамельном домике и заманивала к себе не в меру любопытную ребятню...

Мы неторопливо бродим меж полок, заваленных всевозможными товарами, и от нечего делать я играюсь с тележкой, изображая этакое безбашенного таксиста.

— Дык там пробка, — старательно коверкая язык, бурчу я. — Радость моя, давай-ка обрулим ее к чертям.

— Угомонись, — одергивает меня Оксана.

— Ах ты ж, гребаный чайник! — кричу вслед какому-то нерасторопному мужику, поставившему свою тележку поперек прохода. — Едрить твою налево! И как тока таким права выдают?

— Да хватит уже.

Видю погрузчик.

— Ого, а вон там ментяры пасутся, денежку с нашего брата пощипывают. Красавица, не против, если мы их во-о-н через тот отдел с шоколадками обогнем?

— Жень, блин, надоел!

Оксана злится. Люди возмущенно оглядываются на нас, толкая свои битком набитые всевозможной ерундой тележки. Где-то надрывно кричит ребенок.

— Видать, мамаша его здешней колбасой угостила.

— Ты невыносим.

Я молча стою возле тележки, совсем еще недавно выступавшей в роли такси, а ныне утратившей все свое лихое очарование, превращенной в унылый способ транспортировки покупок до кассы, и наблюдаю, как в нее укладываются продукты. Все строго по списку: куриная грудка, филе, десяток яиц, зелень, две банки сметаны, две палки колбасы с трудно выговариваемым названием, бутылка кетчупа, пакет молока, банка кофе, две банки сгущенки, опять какая-то зелень, сыр, две буханки хлеба. Так вот что значит «основательно закупиться»? Признаться, я себе все несколько иначе представлял.

— Может, леди желает коньячку? — С деловым видом ставлю в тележку бутылку самого дорогого коньяка, какой только сумел обнаружить. — Отпразднуем распрекрасное сегодня? Я угощаю.

— Нет. — Бутылка возвращается обратно на полку. — Со своими Машами и Катями празднуй.

— Так ведь нету у меня Маш и Кать. Есть лишь Клото, Лахесис и Атропос.

И зачем я поехал?

Как бы странно оно ни звучало, но началась эта история со слова «прощай». Какие все же кульбиты порой выделывает судьба, не правда ли? А ты продолжаешь смотреть себе под ноги либо же на лица людей, игнорируя тайные смыслы и подсказки, порой даже не замечая, как сменяются времена года и как быстро улечивается отпущенное тебе время. Но однажды фонтан иссякнет, рябь на поверхности жизни пройдет, и ты согласишься на себя в отражении. И что ты увидишь? Всякое будущее — это лишь воспоминания да мечты, погребенные под грузом повседневных разочарований...

Странно засыпать ночью, точно зная, что тебе двадцать три года, а проснувшись, обнаружить, что тебе уже сорок три, шестьдесят три... Что изменилось за эти двадцать, сорок лет? Мгновение, вспышка и озарение — ничего больше!

И пусть я похоронил жену, но у меня по-прежнему остались сын и внучка. Все, чего стою я в этом мире...

— Жень? — спрашивает жена.

— Да?

— Скажи, а ты любил когда-нибудь?

Я поворачиваюсь к ней, наблюдаю за тем, как она баюкает нашего сынишку.

— В смысле?

Она пожимает плечами.

— Я знаю, что меня ты не любишь... Нет, все нормально. Ты хороший муж. Ты стараешься, я вижу и ценю это. Но ты не любишь меня. Хотя я точно знаю, что ты не уйдешь. Просто уверена в этом, чувствую... Ты не бросишь нас, но... скажи, ты любил когда-нибудь хоть кого-то?

Долго-долго молчу. Мне очень хочется соврать. Очень.

— Нет, — говорю я.

Мы сидим в закуской при супермаркете и жуем невзрачного вида пиццу. Поглядываем друг на друга и таинственно улыбаемся.

— А мне порой не хватает таких вот наших посиделок, — нехотя признается Оксана.

— Мне тоже. Что ни говори, а мы всегда были такими вот кафешными людишками. Все-то нам подавай пиццу или еще какой-нибудь фастфуд.

— Ага.

И вроде бы все хорошо. Но я точно знаю, что хорошее имеет пределы. Как ни крути, а всему свойственно заканчиваться — так же, например, как и чарующей музыке в плере, грустной мелодраме в кинотеатре, хорошему рассказу в книге, казалось бы, нерушимым отношениям влюбленных. И вьюга на улице лишь подтверждает это. Мне известно наверняка, что сквозь зимнюю ночь я пойду один. Хочу прогуляться. Хватит на сегодня маршруток и прочего. Хватит всех этих переживаний и размышлений. В кармане имеются кое-какие деньжата — прикуплю нормальную зажигалку, буду курить и грезить. Этой ночью лучше мечтать, чем предаваться воспоминаниям.

— Ты помнишь море?

— Помню. И как мы гуляли под луной, слушая шепот волн, тоже помню. И даже помню, как в кустарниках стрекотали цикады, а огромные мотыльки вились у редких фонарей.

— И ты все пытался поймать одного из них.

— самого большого...

И снова убаюкивающий стук колес. Мы возвращаемся домой — загорелые, все под впечатлениями, с кучей сувениров. Счастливые, чего скрывать. Оксана спит, а я наблюдаю за ней с верхней полки. Изредка она вздрагивает, что-то бормочет во сне. А у меня вот уснуть не получается, хотя купе — самое лучшее место для сна. Вытаскиваю из сумки плеер, выбираю первый попавшийся альбом Radiohead, запускаю песню под названием «Let Down». Слышу тягучий надрывный голос, и мне кажется, что под такую музыку самое оно расставаться. С толикой грусти смотрю в потолок: интересно, а когда придет конец нашему счастью? Расстанемся ли мы?

Вновь переворачиваюсь на живот и гляжу на Оксану. Не хочу ее терять. И точно не под такую песню.

А может, наш случай как раз из тех, когда «жили долго и счастливо»?

— Встречаешься с кем? — спрашиваю я, допивая пиво.

— Ну-у, вообще-то, Евгений, это не твоего ума дело, — игриво отвечает она. — Я теперь сама по себе. Не забыл?

— Да помню я, — отмахиваюсь. — Просто полюбопытствовал.

— А ты?

— Что я?

— Встречаешься с кем-нибудь?

— Нет. Ты ж меня знаешь. Кому я такой нужен? Кому вообще нужны романтики, еще и деньги зарабатывать не умеющие?

— Кому-нибудь да нужны. Пассиям твоим ты же интересен.

Опять язвит. В принципе, ей можно. После всего, что мы пережили, всего, что между нами было... И крики, и ссоры, и ревность, и измены. А потом, в один день, все взяло да и рухнуло. Раз — и нет ничего больше. Над обломками мнимого счастья поднялась пыль разочарования. Оксана собрала вещи и ушла. Вот так просто. Война окончена, победителей нет.

— Ладно, перестань, — прошу я.

— Как скажешь...

Моя жена умерла, когда сыну исполнилось восемнадцать. В принципе, к тому времени он уже стал вполне самостоятельным молодым человеком и смерть матери принял спокойно. А я вот убивался, рыдал...

Почему? Ведь и я, и она — оба знали, что я ее не любил.

Или все же?..

Теперь вот живу в доме сына. Не из жалости он меня к себе взял — понимаю это. А для того, чтобы проявить свое ханжеское великодушие, это надуманное уважение, которым он встречает меня каждое утро. Он и его женушка. И лишь внушка видит во мне дедушку, а не «престарелого ближнего родственника»...

Оксана сказала «прощай» — вот как началась эта история. Она попросилась со своим прошлым, с тем, что угнетало ее, перечеркивало мечты о счастливом будущем. И, распростившись со всем окончательно, она пришла ко мне. Я встретил ее на этой дороге, сразу же после того, как она пересекла черту расставания.

— Прощай, — сказала она.

И это стало нашим началом.

— Точно не поедешь? — спрашивает она, поглядывая на приближающуюся маршрутку. — Тут далековато будет идти.

— А ты точно не хочешь кино смотреть?

— Точно, Женя.

— Вот и я не поеду.

— Обиделся?

— Нет, просто дома все равно делать нечего. Лучше прогуляюсь. Здешние места я знаю. Заодно зажигалку прикуплю, курить охота.

Маршрутка останавливается. Оксана оборачивается и глядит сначала на нее, затем на меня, снова на нее.

— Поехали, — предпринимает она очередную попытку.

— Не-е, даже и не упрасивай. Я не ценитель общественного транспорта, и потому мой суточный лимит ограничивается одной поездкой. На большее меня просто не хватит.

— Ну как знаешь, — сдается она и забирается в салон. Я протягиваю ей пакеты с продуктами.

Людей на остановке всего ничего, поэтому мы можем спокойно разговаривать, никому особо не мешая.

— Странно мы так с тобой встретились, да?

— Ага.

— Съездили в торговый центр, поболтали, посмеялись... в общем, вспомнили, какими мы когда-то были.

Она улыбается грустной улыбкой.

— Ты тоже это почувствовал, да?

— Что именно?

— Ну-у... что все изменилось теперь. Мы изменились. И прошлого уже не вернуть.

— Да, ты права.

Какое-то время молчим.

— Ладно, Женя, — наконец произносит она. — Было приятно повидаться.

— Мне тоже.

— Извини, что все так...

— Да не, нормально, — я изображаю улыбку. — Вон зато курятину на тележке покатали. Масса впечатлений!

Оксана смеется.

— Прощай, Жень.

— Нет.

— В смысле?

— Прощай — это неправильно. Надо говорить — привет.

Она удивленно смотрит на меня, и в этот момент двери захлопываются. Маршрутка трогается с места, а Оксана так и не успевает ничего ответить.

— Прощай — неправильно, — шепчу я, провожая ее взглядом. — Потому что это — начало. А у нас все уже кончено. Поэтому нужно говорить — привет.

Невольно тянусь к карману, где лежат сигареты. Вспоминаю об отсутствии огня и, раздосадованный, останавливаю проходящего мимо парня в наушниках. Жестом прошу у него прикурить. И пока он чиркает колесиком зажигалки, я успеваю различить, что играет у него в плеере. Слова угадываются сразу:

Shell smashed, juices flowing
Wings twitch, legs are going,
Don't get sentimental,
It always ends up drivin'.

One day I'm gonna grow wings,
A chemical reaction,
Hysterical and useless,
Hysterical and...

Это песню Radiohead я ни с чем не спутаю...

Я открываю глаза и смотрю на внучку, которая склонилась надо мной и тихо шепчет:
— *Избегай рассеянности, гляди, слушай... Будь внимателен! Скоро выдохнешь ты последним дыханием, и оно прекратится... Тут увидишь ты предвечный Чистый Свет. Невероятный перед тобой распахнется Простор, безбрежный, подобный Океану без волн, под безоблачным небом... Как пушинка, будешь плыть ты, свободно, один...*

Она переводит взгляд на меня, вздрагивает.

— Ой, бабушка!

— Милая, ты чего это?

— А я думала, что ты... что ты...

— Глупая ты моя, — улыбаюсь я, усаживаясь на кровати и обнимая внучку. — Как же я тебя брошу-то? Нет, конечно же, нет.

Шагаю по занесенной снегом дороге, слушаю звуки метели и думаю о чем-то таком, что еще не произошло, а может, никогда и не произойдет. Но все равно мечтаю, представляя себе, что и как будет. Ведь когда-нибудь все изменится. Обязательно! Снова будут море, прогулки под луной, серебристый свет и стрекот цикад. Улыбки и взгляды. Радость и печаль. Счастье!

Счастье?

Останавливаюсь и гляжу на дорогу, затем на город — в том направлении, куда уехала Оксана, — и вспоминаю, как...

Гроза проплывает мимо, и Кларисса устало потягивается.

— Поехали? — спрашивает брат.

— Ага, возвращаемся...

Вспоминаю, как...

Проснувшись среди ночи, долго слушаю, как в окно барабанит дождь. А Оксана мирно посапывает рядом, и я обнимаю ее.

— Всегда боялась грозы, — бормочет она сквозь сон.

— Ничего, послезавтра мы уже будем валяться на пляже, — шепчу я, целуя ее в плечо...

И, стряхнув наваждение, пытаюсь представить себе грядущее, словно бы смотрю на фонтан собственной жизни, где вода в водоеме — это мое прошлое, а каждая новая капля фонтанной струи — отдельное, еще пока не наступившее событие. При этом все взаимосвязано.

Так что же там дальше?

А дальше...

Гости кричат «горько». Вот она — моя свадьба. Еда, родственники, снова еда, снова родственники. Люди и продукты. Свое искаженное отражение я вижу в бокалах и бутылках со спиртным.

Женюсь...

А дальше...

Я укладываю внучку спать и ласково глажу ее по волосам.

— Дедушка, а в жизни так же, как и в сказках? — спрашивает она.

— Нет, милая, к сожалению, не всегда.

— Жалко. А я бы очень хотела, чтоб у всех всегда было именно так!

— Как так?

— И они жили долго и счастливо...

Но сначала...

На дворе апрель, и с тех пор, как я в последний раз видел Оксану — тем памятным вечером на остановке, — прошло уже больше года. Я захожу в кафе и встречаюсь взглядом с девушкой, которой через пару лет суждено стать моей женой, а еще через полтора года — родить мне сына.

Какое-то время мы просто рассматриваем друг друга, а потом, набравшись храбрости, я бесцеремонно подсаживаюсь к ней за столик.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — отвечает она...

Вот так и заканчивается эта история. Да, именно так...